

Клавдия Лукашевич

ЯСНОЕ СОЛНЫШКО

Клавдия Лукашевич

Ясное солнышко

«Издательство «Зерна»

УДК 281.9
ББК 86-372

Лукашевич К. В.

Ясное солнышко / К. В. Лукашевич — «Издательство «Зерна»,

ISBN 978-5-903138-31-9

Клавдия Владимировна Лукашевич – одна из наиболее популярных детских писательниц. На литературное поприще вступила она в 1881 г. совсем еще юною, прямо со школьной скамьи. Первое ее произведение «Памяти царя Освободителя» было напечатано в «Детском чтении», редактором которого тогда был известный писатель, Виктор Петрович Острогорский: он ободрил молодую писательницу и был ее крестным отцом на литературном поприще. Другой, не менее известный писатель и поэт, Алексей Николаевич Плещеев, бывший экспертом, когда Клавдия Лукашевич получила первую премию от Санкт-Петербургского Фреб. Общества за свой рассказ «Макар», тоже принял в ней участие и сказал: «Не выпускайте пера из рук: в вас есть искра Божия». И Клавдия Владимировна сдержала завет любимого поэта: в течение четверти века она неустанно и плодотворно работала в области детской литературы. «Я бы желала, чтобы мои дорогие друзья, запасшись для жизненного пути светом и теплом правды и любви, как «Ясное солнышко», светили бы везде, где темно, и согревали бы там, где холодно. Тогда многим легче и отраднее будет жить на свете», – писала в предисловии к своей книге Клавдия Лукашевич.

УДК 281.9
ББК 86-372

ISBN 978-5-903138-31-9

© Лукашевич К. В.
© «Издательство «Зерна»

Содержание

Девочка-малютка	7
Лёля подрастает	9
Лёля в своей семье	11
Отъезд в Сибирь	14
На пароходе по сибирским рекам	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Клавдия Лукашевич

Ясное солнышко (Правдивая история)

По благословию Митрополита Симона (Новикова)

© Лукашевич К., 2008

Девочка-малютка

– Ты – мое счастье! Ты – моя жизнь! Мое ясное солнышко! – говорила мама, глядя на дочку с беспредельной, ни с чем не сравнимой любовью. Малютка-девочка стояла в кроватке, держалась за решетку и смотрела на мать большими серыми глазами, с такими длинными ресницами, что глаза ее казались огромными, черными и недетски выразительными.

Мать стояла на коленях перед кроваткой и делала крошке ручки.

– Мма... мамм... Мама... – лепетала девочка, и этот лепет казался молоденькой маме прекраснее самой гармоничной музыки. Она заставляла биться ее сердце восторженно и сладко, заставляла покрывать ручки, ножки, все тело малютки-дочери горячими бесчисленными поцелуями.

Девочка отбивалась, начинала взвизгивать, «как большая».

– Лёля, ангел мой! Солнышко мое! – в безумном восторге твердила мать, брала крошку на руки, кружилась с ней по комнате, пела, танцевала. Потом снова ставила в кровать, отходила, смотрела и не могла насмотреться на свою Лёлю.

Та складывала в улыбку свой крошечный беззубый ротик и тянула к маме полные ручки.

– Ммам... мам... Мама... – повторяла она и, очутившись в объятиях мамы, прижималась кудрявой головкой к ее груди и ловила ручонками за лицо. Целыми днями бывали они вместе и, казалось, не было счастливее их на свете – этой малютки-девочки и обожавшей ее мамы.

Почти каждый день, после полудня, в прихожей раздавался тихий звонок, и в дверях детской показывалась высокая старушка.

– Мамочка! – радостно восклицала молодая мать.

– Я сразу не подойду, Клавдюша... Я хотя и обогрелась... все-таки... Я сегодня Лёлечку во сне видела, не утерпела, зашла поцеловать ее. Ну, что она?

– Знаете, бабушка... Мы сегодня «мама» сказали. В первый раз... Теперь скоро и «баба» сажем!

– Ну, Христос с ней! Ангел-хранитель! – говорила старушка и, подойдя, горячо обнимала дочь и внучку.

– Удивительная девочка! Знаете, бабушка, спит всегда спокойно: ни крику, ни капризов; может по целому часу лежать одна в кроватке и ловить свои крошечные ножонки.

– Милая деточка! Такая прекрасная, – точно ангел Божий! Она, кажется, засыпает, Клавдюша... – бабушка с любовью крестила внучку.

– Спит, мое сокровище, – шепотом говорила мама.

– Дай, снесу в кроватку! – просила бабушка.

– Лёля, ангел мой! Солнышко мое! – в безумном восторге твердила мать, брала крошку на руки, кружилась с ней по комнате, пела, танцевала.

– Нет... Пусть немножко полежит у меня. – И они обе умолкали, в немом обожании глядя на девочку.

Так заставлял их отец Лёли.

– Она сегодня «мама» сказала, – сообщала счастливая молодая мать, покрасневшись, как зарево, от радости.

Отец крестил сонную дочку, любовался ею с гордой улыбкой, тихо целовал русую головку и относил бережно девочку в ее белоснежную кроватку.

Лёля подрастает

Девочка подрастала. Её все любили – решительно все: родные, чужие, прислуга, дети, животные.

Ласковая, кроткая, прекрасная, как ангел, – она готова была все отдать от себя и никогда никому не сказала резкого слова, никому не причинила огорчения.

– Этот ребенок не от мира сего, – говорила бабушка.

– В девочке небесная отметка, – вторила тетя Маня, сестра отца, горячо любившая маленькую Лёлю.

– Зачем, зачем она такая – особенная?! – сокрушался отец. – Как мне страшно за нее! Я бы хотел, чтобы она бегала и шалила, как другие дети, чтобы капризничала иногда, как Зиночка, или проказничала, как Лида.

– Да, она у нас совсем необыкновенная! – говорила тихо мама и обращала на свою кроткую девочку взгляд, полный горячей любви.

Лёлечке было четыре года; худенькая, высокая не по летам, с бледным нежным личиком, как будто выточенными, прекрасными чертами, серьезная, задумчивая, – она казалась девочкой лет семи.

– Дивлюсь я, барыня, на нашу Лёлюшку, – говорила няня, возвращаясь с прогулки. – Верите ли, без слез смотреть на нее невозможно: играет Лёля с детьми, такая крошечная – всем уступит, не любит ссоры – сейчас всех уговорит, успокоит, приласкает... И чужие-то дивятся на нашу барышню. Никто не верит, что ей пятый годок.

«Лёля, мое ясное солнышко! Будь такой всегда-всегда... Свети и согревай всюду, где ты появишься, – и благо тебе будет!» – думала мама с замиравшим от счастья сердцем.

Оттого ли, что милого ребенка так много и горячо любили, ее сердце было открыто для любви, участия и ласки. Даже в свои четыре года Лёля как-то забывала о себе и хотела быть полезной, насколько позволяли ее маленькие силы.

– Лёлюшка, посиди, лапушка, с Зиной! Позабавь сестрицу! – просит старушка-няня и без страха уходит на кухню, оставляя детей одних.

Маленькая нянюшка, пока ее не сменяют, гулит и забавляет свою белокурую курчавую сестренку.

– А-а-гу, Зиночек... Идет коза рогатая за малыши ребятами... Забодает, забодает... А-а-гу, Зиночек! Смотри, какой зайчик бегает. Заинька, попляши... Заинька, поскачи, у тебя ножки хороши!..

Лёля наставляет стеклянное яичко под солнечный луч, и светлый зайчик скользит по стенам, по полу, по потолку. Маленькая сестренка громко и весело смеется.

– Ай, Лёлюшка! Вот-то спасибо, милушка! Я и кофейку попила... Спасибо, что Зиночку позабыла! – говорит вернувшаяся няня.

Если мама садилась шить, Лёля сейчас же приносила ей скамеечку под ноги и сама усаживалась около. После обеда, без указаний, малютка спешила принести отцу газету и портсигар, и если в доме кто-нибудь что-либо забывал, – она всегда напоминала первая как-то вовремя.

– Лёлочка, почисти ягоды для варенья! – говорит мама и знает, что на девочку можно положиться: пока не кончит, ни одной ягодки не положит в рот.

– Мы и бабушке дадим варенья. А пенки все станем пробовать... – шепчет крошка, перебирая аккуратно ягоды.

Один раз тетя Маня увезла Лёлю к себе на целый день.

– Лёлочка, пожалуйста, ничего не ешь там, кроме бульона и котлетки: тебе нельзя! – сказала мама, одевая девочку.

И этих слов было довольно.

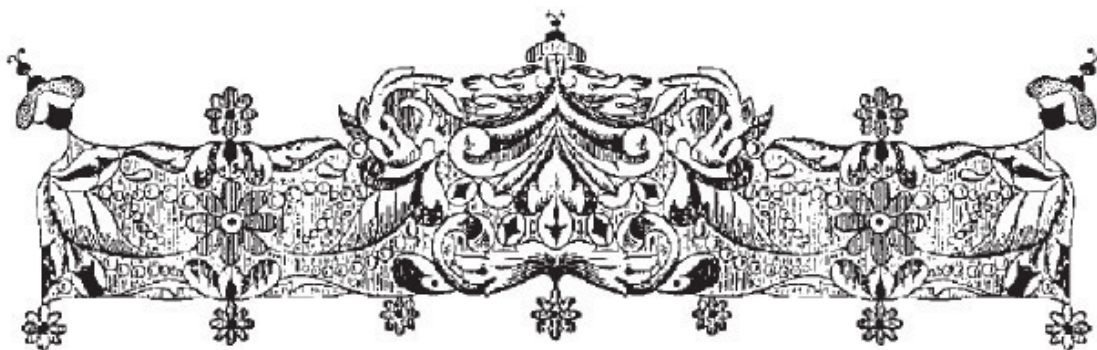
Взволнованная и растроганная привезла ее тетя Маня домой.

– Знаешь, Клавдия, просто удивила меня Лёля. Скушала суп, котлетку, подали сладкое, желе, – нарочно для нее делали легкое. Она не берет: «Мамуля не велела». И как мы ее ни убеждали, ни упрашивали, уверяли, что это сладкое – можно... Ни за что!.. Твердит одно: «Мамуля не велела». Даже жалко было смотреть на ребенка. Ну, и вымуштровали же вы ее, бедняжку!

Мама горячо целовала свою правдивую крошку.

Нет, отец и мать не муштровали свою девочку. Она была такою потому, что крепко любила их и доказывала это всегда-всегда... Если дитя любит, оно слушается близких и не лжет.

Лёля в своей семье

Лёле исполнилось пять лет. У нее были еще две сестренки: беленькая курчавая, голубоглазая Зина и черненькая Лида. Лёля была их любимицей и заступницей.

Случалось, что ее шаловливые сестренки нашалят, перессорятся или даже передерутся, и мама хочет которую-нибудь наказать. Виноватая бежит от мамы и с криком по всему дому разыскивает Лёлю, бросается к ней, обнимает ее, припадает на грудь головой и чувствует себя в безопасности.

Надо было видеть эту картину.

– Прости Лиду, мамуленька... Она больше не будет... Она маленькая... – умоляет Лёля, обняв сестренку и устремив на маму свои большие, выразительные глаза, а виноватая плутовка, молча, искоса выглядывает, точно чувствует, что мама бессильна перед такой трогательной защитой.

Обе девочки слушались пятилетнюю сестру беспрекословно: она была точно большая. Утром она помогала им мыться, придумывала игры, рассказывала фантастические сказки, самую сочиненные, и на крик в детской прибегала первая, чтобы разнять ссорившихся или помочь в беде.

Лёля выговаривала сестрам серьезно и внушительно:

– Очень стыдно, Зинаида, толкаться... Смотри, как она, маленькая, ушиблась... Ей больно! Никто тебя любить не будет... Мамочка услышит, рассердится...

– А зачем она... зачем схватила мою коробку... – оправдывалась беленькая Зина, говорившая скоро и шепеляво. – Зачем она мою коробку разорвала... – и малютка со слезами на глазах показывала ободок от коробки.

– Глупенькая ты еще! – улыбалась Лёлочка. – Все-таки драться и толкаться не смеешь. Могла бы сказать няне, мне или мамочке. И где это ты выучилась?! Миритесь сейчас и играйте хорошо.

Девочки целовались и наступала тишина.

Отец требовал, чтобы дети сидели за столом смирно, не разговаривали со старшими и ели аккуратно. Он очень уставал, работая целыми днями, и полнейшая тишина за обедом – была его маленькая слабость.

Перед обедом мама или еще чаще Лёлочка напоминали младшим девочкам, чтобы они сидели смирно, не разговаривали, не шалили и не беспокоили папу.

Резвым девочкам, особенно вертлявой Зинаиде, трудно было высидеть час смирно, и уже через несколько минут маме приходилось брать из ее руки то ложку, то вилку, удерживать под столом ее ноги.

Мама смеялась, а Лёля с сестрами охватывали ее за шею и начинали громко целовать.

Надо было видеть, как волновалась тогда Лёля, сидя напротив сестер: она то пожимала плечами, то делала большие строгие глаза, то качала головой – лишь бы заставить их остановить шалости. Дети, заметив ее многозначительные знаки, на время затихали.

Случалось иногда, что которая-нибудь из младших девочек вела себя за столом так дурно, что отец порывисто вставал, брал ее за руку и выпроваживал. «Ты не хочешь сидеть как следует и мешаешь другим, ну, так уходи в детскую и обедай одна!» – говорил он.

У Лёли на глазах навертывались слезы: от жалости к наказанной и от обиды, что та огорчила папу.

Лёля горячо и свято любила своих родителей, и доказывала это и словами, и ласками, и делом.

– Зинаида, ты к мамулькине становишься спиной! – с ужасом замечала Лёлочка, как будто и в этом для нее было что-то ужасное.

Эта маленькая, кроткая, тихая девочка была точно ангелом-хранителем в доме, – всеобщей защитницей и утешительницей.

Если иногда папа с мамой начинали о чем-нибудь громко спорить, испуганная крошка бросалась к ним поочередно и умоляла:

– Мамочка, уступи папе... сделай, как он хочет... Пожалуйста, уступи, моя золотая мамулькина. Папуля, не говори так громко с мамой. Я так боюсь, когда вы спорите...

Родители умолкали, улыбались и ласкали свою детку.

Если кто-нибудь из прислуги в доме что-либо ломал или разбивал, то Лёля непременно выпрашивала виноватой снисхождение.

По вечерам Лёля любила вместе с сестрами забраться к маме на диван и слушать ее рассказы.

– Ах, как хорошо тут у нас! – говорила девочка. – Ну, вот точно в сказке: добрая мать и дети, и этот диван, и все...

Мама смеялась, а Лёля с сестрами охватывали ее за шею и начинали громко целовать.

– Ты у нас дорогая цыпа... незаменимая мамуля... бесценная и самая родная! – перебирала Лёля на своем детском языке все нежные названия.

– Знаешь, мамочка, – часто прибавляла она, – такого, как наш папуля, нет больше человека в мире.

– Полно, детка, есть много хороших людей на свете. И каждой дочке свой папа кажется лучше других.

– Нет, наш совсем особенный! Подумай, мамочка: и красавец, и все знает, и справедливый... А добрый-то какой! Все говорят, что он «редкий человек». Даже няня и Марфуша его называют «отец родной». Я тебя и своего папочку так, так люблю, – нельзя показать: больше, чем до неба! – Лёля сжимала свои худенькие ручки и с нежностью смотрела на маму.

Отъезд в Сибирь

Наша знакомая семья собиралась в далекий-далекий путь: Лёлиного папу назначили на службу в Сибирь.

С грустью пришлось расставаться с родными и близкими сердцу... с милой родиной, со всем к чему привыкли, с чем сжились... Далек был путь, неизвестна страна, куда отправлялись. Путешественников пугали суровой зимой и страшными морозами, неприветливыми людьми в Сибири.

С горькими слезами расставались Лёля и ее родители с бабушкой, с тетей Маней и со всеми друзьями.

Дорога была трудная, долгая, но везде, как ясное солнышко сквозь темные тучи, светила маленькая Лёля: она помогала маме заботиться о сестрах, думала о вещах и ободряла и согревала своей нежной лаской папу и маму.

Всюду по дороге девочка приобретала себе новых и новых друзей.

– Ты будешь нас вспоминать, милый, славный человек? Ты напишешь нам? Как бы нам хотелось знать о тебе, чудесное дитя! – говорила в Перми целая семья новых знакомых, целуя наперерыв Лёлю.

– Вот когда выучусь писать и напишу! – обещала та.

На пристанях по Волге или по сибирским рекам Лёля с бутылками, с корзиночками спешила за мамой на берег.

– Прежде всего детям молока поищем... А не то Лида будет опять капризничать... Да Зинушка ягод просила... Нет ли еще, мамочка, какой-нибудь там рыбки соленой: няня говорила, что ей так «преснятина надоела».

Только для себя никогда ничего не просила Лёля... И, если мама допрашивала, чего же ей-то самой хочется? – она застенчиво отвечала:

– Все равно... Ничего не надо... Может у тебя денег-то мало, мамулькина...

На пароходе по сибирским рекам

Тихо плыл пароход «Рейтеры» по Оби. Места кругом были невеселые: пустынные берега, жалкая растительность в виде низкорослых кустарников и редко-редко где какое-либо жильё.

Было раннее утро. На палубе парохода, то есть в третьем классе, уже проснулись: ходили, разговаривали, плакали ребята, гремели чашками и чайниками.

Наверху, на мостике, прохаживался один капитан, да рулевые были на своих местах.

Вот из рубки первого класса по лесенке послышались легкие шаги, и в отверстие на мостик выглянула курчавая детская головка.

– А-а-а!! Ясное солнышко! Рано же оно поднялось! – весело приветствовал капитан, подходя к лестнице и вытаскивая за обе руки девочку на мостик.

– Лёлюшка, не бегай к перилам... Не упади, лапушка... – послышался из рубки старческий голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.